

Отзыв

председателя диссертационного совета о диссертации Хефни Халфаллы Абдельхафиза Хафиза «Зооморфизмы как эмотивные эталоны в современной русской лингвокультуре (на фоне арабской лингвокультуры)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Актуальность темы экспрессивно-эмоциональных номинаций человека или его характеристик в языке не нуждается в особой аргументации. Изучение единиц вторичной номинации продолжается достаточно давно, но считать при этом решенными проблемы, связанные с особенностями функционирования названий лиц, мотивированных названиями животных, пока не приходится. Этой теме посвящены многочисленные работы, нацеленные на спецификацию употребления терминов *зоометафора*, *зоосемизм*, *зооморфизм*, *анимализм*, на проведение границ между единицами первичной и вторичной номинации. В качестве отдельной проблемы рассматривается характеристика тех семантических нюансов, которые проявляются во фразеологических единицах разной структуры, содержащих зооморфизмы.

Диссертанту приходится решать непростую задачу – разобраться в терминологическом и дефиниционном разнообразии в лингвистических трудах, обращенных к эмоциям и способам их репрезентации в языке, и разграничить сферы функционально-стилистического и прагматического. Видно, что Хефни детально проработал труды В.И. Шаховского – известного специалиста в области изучения как самих эмоций, так и их репрезентантов в языке. Опираясь на мнения специалистов относительно понятий «эмоция», «эмоциональность», «эмотивность» и др. и даваемые ими определения и трактовки, автор выходит на одно из основных положений своей работы – о важности эмоциональной картины мира носителей языка и культуры. Не менее трудна и задача сориентироваться в системе терминов, связанных с номинациями животных в их прямых и переносных значениях.

На фоне достаточно подробного и глубокого анализа фразеологизмов, содержащих зоосемизмы, представленного в ряде работ российских лингвистов, диссертантом выбрано направление, обеспечивающее новизну работы – с одной стороны, взгляд на русские языковые единицы на фоне арабских и выявление различий в эмоциональном восприятии

PK N33-08-524 от 02.05.2023

этномаркированным сознанием содержания единиц – как лексических, так и фразеологических. С другой стороны, весьма перспективна идея проведения эксперимента, позволяющего поставить вопрос о динамике в сфере восприятия образов животных носителями каждой из культур.

В работе есть все необходимые атрибуты – значительная и весьма разносторонняя теоретическая часть, аргументация выделенного для анализа блока единиц, обращение к фразеологическому материалу, активно эксплуатирующему анимализмы, и описание проведенного эксперимента. Замах, сделанный Хефни и обещавший яркие результаты, импонирует – как в силу привлекательности языкового материала, так по причине различий в культурном наследии носителей русского и арабского языков.

Перейду к сомнениям, которые у меня вызвала реализация задуманного диссертантом проекта, и изложению своих для этого аргументов.

1. Представляется недостаточной аргументация для выделения рассматриваемого в работе блока из 7 единиц. На наш взгляд, неоправданно выпущены из перечня номинации образы, например, волка и медведя, поскольку как с ними, так и с коровой, быком, свиньей, многие говорящие не встречаются в жизни вживую никогда, но знакомы с ними по книгам, учебникам, мультфильмам. А наследуемые говорящими общекультурные представления и ассоциации не определяются исключительно тем, является ли животное диким или домашним. О хитрости лисы мы узнаем обычно из сказок, где фигурируют и волк, и медведь. При этом факт отсутствия у арабов в активном употреблении образных номинаций человека с использованием зоосемизмов (зоометафор) также может служить показателем различий лингвокультурологического плана.

2. Есть сомнения в отношении построения работы и выделения отдельных разделов и их назначения. Непонятно, например, какова цель, ради которой приведена на с. 96-102 частеречная классификация фразеологизмов, включающая образы животных, весьма далекие от тех семи, которые далее были отобраны автором для анализа. Здесь присутствуют такие образы, как *птенец, воробей, тетеря, курица, жеребец, птица, олень, муха, блоха, голубь, белка, зверь* и др. При этом комментарии относительно способности этих ФЕ участвовать в выражении эмоций говорящих и каких именно – отсутствуют, как и количественные данные об активности употребления выражений. А ведь это целый раздел (3.1) «Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в русском

языке»; без ответа остается, таким образом, вопрос, что они делают в русском языке, для чего существуют. В выводах к 3-й главе об этом также нет ни слова.

Заголовки раздела 2.2 и подразделов 2.2.1 и 2.2.2 «Зооморфные доминанты социального взаимодействия и их влияние на проявление эмоций» – соответственно, в русском и арабском языках – заставляют гадать, что же на что влияет или что чем определяется. Вероятно, речь идет об участии зооморфизмов в проявлении эмоций.

3. Представляется, что, говоря об использовании слов или оборотов в русском языке – я делаю акцент на слове «использование», – опора только на лексикографические источники представляется недостаточной. Неправомерно говорить здесь и о функционировании зооморфизмов в речевой практике. Прочитую диссертанта (с. 71): «При назывании человека ястребом говорят о его жестокости и хитрости». Приводится пример *Целовал ястреб (коришун) курочку до последнего перышка* – с комментарием: «говорящий вербализует свое отрицательное к нему отношение и предполагает, что вызывает подобное же отношение к этому человеку у других людей» (желательно привести пример использования этой единицы). Однако в контекстах с использованием говорящими образа коришуна – а это в данной ФЕ отмеченный словарями вариант компонента *ястреб* – встречаем и примеры положительной оценки: Л. Улицкая: *Гриша страстно ожидал его звонков, коришуном кидался на телефонную трубку*; Д. Рубина: (Нашли) *в пустой квартире круглый стол с разбитой мраморной столешницей. Андрюша накинулся на все это хозяйство коришуном, и целыми днями возился, приговаривая: «починять-починять!»*.

4. Наблюдается проблема с выводами. Выводы по третьей главе, по сути, отсутствуют: резюме о первых двух подразделах третьей главы нет, а ход и цель проведенного эксперимента, составившего подраздел 3, были освещены ранее и в повторении не нуждаются. Обобщения о лингвокультурологическом потенциале проанализированного материала я не увидела.

5. Могли бы быть учтены при разработке теоретической базы исследования работы А.С. Алешина и Е.И. Зиновьевой – об эталоне «кошка»; статья Е.В. Кудрявцевой о фразеологическом компоненте «собака», диссертация и статьи Ли Имо (МГУ), посвященные детальному рассмотрению – с привлечением огромного материала двух языков – значений зоонимов и зоосемизмов, отраженных разного типа словарями. Эти и другие работы были бы диссертанту весьма полезными.

6. Затрудняют понимание существа работы и отдельные рассуждения. Так, несколько вопросов вызывает, например, следующее высказывание: (с. 64): «Поскольку почти каждое арабское слово содержит *интересную* (для кого?) *унаследованную* (от кого?) информацию, *из этого получается*, что если кто-то использует арабский язык для общения с другими, то ему не нужно подробно и обстоятельно излагать информацию, которую он хочет передать. Вот почему <...> большинство арабов не передают максимальное количество *явной* информации при общении. *В связи с этим получается*, что жители арабских стран — *люди горячие и экспрессивные*». Эта логическая связь у меня не складывается: из сказанного диссертантом вытекает как раз обратное — немногословность, многозначительность, сдержанность арабоговорящих, но не горячность и не экспрессивность. Во всяком случае, последнее никак не иллюстрируется и остается голословным. Для подобных выводов нужны весомые аргументы с опорой на авторитетные мнения.

7. Хочется возразить автору по поводу высказываний, приводимых без соответствующих ссылок и уточнений. Например: «В русском языковом сознании образ волка вызывает эмоцию страха, потому что *волк* связан с нечистой силой, а образ *медведя* вызывает эмоцию счастья, потому что *медведь* символизировал плодovitость и удачу». Идет ли речь о сегодняшнем носителе языка и культуры? Даже мой жизненный опыт не позволяет мне видеть в медведе символ счастья. На чем основаны подобные умозаключения? (с. 64)

8. Имеются примеры некорректного цитирования, когда слова исследователя заимствуются из косвенного источника, но ссылка на автора сказанного приводится с упоминанием фамилии другого ученого: (с. 26) цитата Т.Ю. Брославской – ссылка на работу Солнцевой; (с. 28) цитата В.Н. Телия – ссылка на работу Минского и др.

И, конечно, трудно оставить без внимания стилистические погрешности – а их немало: с. 132 «*Зооморфизмам разных национальностей* присущи свои особенности»; с. 69 «*Бурное обличение и ненависть к воронам* у большинства арабов *выражается* в нежелании их присутствия *вблизи* домов, ферм и *даже пустыни*», Там же: «По словам Ибн аль-Араби, *лошади родственны людям, они стоят с нами на общих знаменателях* там, где *встречаются* члены арабской общины, несмотря на их племенное разнообразие»; с. 62 «А *качествами*, которые приписывали разным животным, *намекали на определенные слои населения* (например, корыстолюбие и хитрость лисы) и др.

Вызывает нарекания и оформление терминологических формулировок: (1) *Символ животной культуры, животные сравнения, книги о животной природе*; (2) *Язык материнства*; (3) *Единство процесса отражения человеческих явлений* и т.д. и т.п. Неприемлемы номинации исследовательских процедур с нарушениями норм научного стиля: (с. 27) «*Можно рассмотреть зооморфизмы <...> через лингвокультуру или через грамматику при изучении образования новых слов (дериватов) от зооморфных образов.*

Обсуждаемая работа побуждает задать ее автору и вопросы.

1. Не вступают ли в противоречие следующие два высказывания, приведенные на страницах диссертации (цитирую)? И какую позицию в решении этого вопроса занимает диссертант?

1.1. (с. 16) «По мнению Э. Сепира, изучение эмоций не представляет собой актуальную тему для исследования в области лингвистики потому, что **они не являются составляющим компонентом семантики**» [Sapir, 1921].

1.2. (с. 19) «Есть подтверждения того, что без проявления эмоций не проходит ни один день в жизни человека, поэтому она (*кто?*) так **прочно закрепляется в значении слов** как некая шкала оценок эмоциональных состояний человека».

2. Если мать обращается к дочери, которая к ней ластится в надежде получить лакомство, «ты моя лисичка» – какие эмоции выражает эта номинация и как это соотносится с корыстолюбием и хитростью лисы, о которых вы пишете (с. 62)?

Проявляются ли эмоции и какие именно в оборотах *ни кошки, ни ложки* (о человеке, у которого ни семьи, ни родственников); *козья ножка* ((1) инструмент для удаления зубов; 2) особого рода самодельная папироса, самокрутка)? И каким образом вы их определяете?

3. Можете ли вы назвать книгу и фильм, где каждый из использованных вами для опроса животных является действующим лицом? Мне кажется, нужно хоть сколько-нибудь прогнозировать возможный ход мысли респондента.

4. Как звучала в отраженном «Русским ассоциативным словарем» Ю.Н. Караулова эксперименте установка, обращенная к респондентам, направленная на получение ответов на определенный предложенный им стимул – *свинья, корова, лиса* и проч.? Как по-вашему, будут ли различными ответы, полученные от респондентов, при разной постановке вопроса: *Какого человека в условиях русской коммуникации можно назвать свиньей? Каковы, по вашему мнению, характеристики человека, похожего на свинью?*

Можно считать, что диссертант на правильном пути в направлении изучения переносных значений слов и места зоосемизмов и зооморфизмов в арсенале говорящих на русском и арабском языках – эта тема неизменно интересна и позволяет диссертанту предпринять дальнейшие шаги для уточнения особенностей их употребления, над которыми он начал работать. Реализация идеи проследить динамику изменений в восприятии образов животных и что более важно, в их речевом использовании – пока еще диссертантом не исчерпана.

В целом можно сделать вывод о том, что диссертационное исследование Хефни Халфаллы Абдельхафиза Хафиза на тему «Зооморфизмы как эмотивные эталоны в современной русской лингвокультуре (на фоне арабской лингвокультуры)» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель Хефни Халфалла Абдельхафиз Хафиз заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Председатель диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка для
гуманитарных и естественных факультетов
Санкт-Петербургского государственного
университета

Е.И. Селиверстова

30.04.2023